

пользуется в английском языке для репрезентации концепта «мера». Эту модель, благодаря наличию уточняющих характеристик размера, можно отнести к разряду измерителей с приблизительными характеристиками меры.

Рассмотренные в работе языковые модели представляют собой единицы «неточного или неопределенного измерения», не входящие в общепризнанные национальные и международные системы мер. Единицы «неточного или неопределенного измерения», имеющие лингвистическое выражение, находятся на периферии метрических систем, исторически сложившихся в языке, но играют большую роль в оперативном членении и измере-

нии объектов различного рода в повседневной жизни людей.

Таким образом, концепт «мера» имеет многокомпонентную организацию, и для его языкового выражения в английском языке существует довольно большой выбор различных лексических, фразеологических и стилистических средств, уходящих своими корнями в прошлое и сохраняющих за человеком статус «меры всех вещей», помещающих его в центр мироздания. При помощи этих средств можно представить в речи различные признаки концепта. Актуальность рассматриваемой темы объясняется, в частности, удивительной «живучестью» антропоцентрических измерений.

Литература

1. Основы философии: Учеб. пос. для вузов / Отв. ред. Е.И. Попов. М., 1997.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пос. Минск, 2004.
3. Земскова И.П. Концептуальное поле порядка // Логический анализ языков: Языки динамического мира. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна, 1999.
4. Клейнер Г.М., Клейнер Л.М. Математика и научная картина мира. Киев, 1984.
5. БСЭ, том 10, М., 1972.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
7. Основы современной философии: Учеб. для вузов / Отв. ред. М.Н. Росенко. СПб, 2002.
8. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности // Ин-т языкознания / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1991.
9. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.
10. Лебедева Л.Б. Модальность восприятия и его отражение в языке // Логический анализ языков: Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна, 1999.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000.
12. Семёнова С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных объектов // Логический анализ языков: Языки пространств // Языки русской культуры, М., 2001.
13. Петроченко Л.А. О языковой репрезентации концепта *мера* в современном английском языке // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: Проблемы и перспективы // Сб. науч. тр. и мат.-лов. Томск, 2002.
14. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. L., 1973.

Н.С. Коваленко

ОТРАЖЕНИЕ ПРИЗНАКА ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ОСНОВООБРАЗУЮЩИМ ФОРМАНТОМ -S-

Томский государственный педагогический университет

Одной из очевидных и известнейших особенностей мышления древних людей является то, что многие явления природы, космические объекты, стихии, окружающие человека, воспринимались им как живые личности, наделенные волей, способные принимать участие в его жизни. Считается, что эта черта мировоззрения древних находит отражение в первую очередь в мифах и народных преданиях, сохранивших сведения об обожест-

влении сил природы. Не только мифы и сказки, но и грамматические явления индоевропейских языков сохраняют информацию о том, какие явления и предметы древние считали живыми существами, а какие – вещами. Именно в силу своей консервативности морфологический уровень может сохранять такие реликтовые явления, которые уже невозможно обнаружить на других языковых уровнях.

Труды многих ученых (Г.А. Климова, М.Н. Палмайтиса, О.А. Осиповой и других) подтверждают, что в период общинноевропейского языкового состояния все существительные подразделялись на два основных класса: активные – те, которые воспринимались людьми как живые существа, и инактивные – те, которые воспринимались как вещи. Г.А. Климов относит протоиндоевропейское состояние к активному строю языка, где структурные компоненты ориентированы на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным участниками пропозиции таким образом, что глаголы лексикализованы по признаку активности–стативности, а субстантивы разделены на активные и инактивные [1, с. 4, 152, 164]. В свою очередь оппозиция по признаку активности–инактивности была преемственно связана с еще более древней оппозицией существительных по признаку одушевленности–неодушевленности [1, с. 442–443]. Данная оппозиция была, по-видимому, связана с зависимостью древнего человека от природы, с необходимостью делить все окружающие объекты на «живое» и «неживое». Позднее, с выделением человека из мира природы и с появлением организованного общества, оппозиция «одушевленное–неодушевленное» превратилась в оппозицию социальной актуальности или неактуальности. То есть то, что было актуально, значимо для человека и общества (даже если фактически принадлежало к миру неживых вещей), мыслилось действующим (т.е. «живым») – например, *яйцо*, *лучина*, *хлебные крошки* [2, 3]. То, что было неактуально, то есть «инертно» по социальной значимости (даже если в реальности было живым существом), понималось как неактивное [4, с. 39–40]. Такое разделение было одним из важнейших, и для его выражения требовалось применение языковых средств. Как социальная актуальность или неактуальность, так и одушевленность–неодушевленность находили отражение в грамматическом строе языка. Определенные грамматические признаки служили маркерами одушевленности/неодушевленности.

Согласно исследованиям О.А. Осиповой, в древнегерманских языках на древнейшем этапе их существования таким признаком служили в первую очередь консонантные основообразующие суффиксы, которые проявлялись в парадигме склонения существительного [5, 6]. В склонении существительных на консонантные основы в древнегерманских языках наблюдается концентрация существительных с одушевленной семантикой. Существительные с основообразующим формантом *-s-* в древнегерманских языках относятся к консонантным и являются реликтивными – сохранились лишь остатки существительных парадигмы *s-*основ

[7, с. 223–226]. Основы данного типа представлены очень небольшим количеством существительных только среднего рода, в основном обозначающих детенышей. В склонении на *-s* выделяют существительные, которые исконно относятся к данному типу основ и составляют его основной стержень: *lamb* «ягненок», *sealf* «теленок», *cīld* «ребенок», *ǣg* «яйцо», *speld*, «лучина, факел», *breadru* (мн. ч.) «крошки (хлебные)». Кроме того, существует группа слов, которые когда-то относились к данному склонению, например: *hlǣw / hlāw* «холм», *ēar* «колос зерна» и др. [8, с. 212–214]. То, что существительные этой основы относятся к среднему роду, еще не является признаком их неодушевленности, так как разделение по родам сформировалось у существительных гораздо позже разделения их по основам [1, с. 242]. На основании этого при анализе существительных, с точки зрения одушевленности/неодушевленности, мы будем ориентироваться в первую очередь не на род, а на основообразующий суффикс, который передает более древнее состояние.

Анализ лексико-семантической сочетаемости древнеанглийских *s-*основ позволит определить, к какой категории действительности относили то или иное существительное носители языка, а именно: воспринималось ли оно как одушевленное или неодушевленное.

Одушевленность древнеанглийских существительных *s-*основы проявляется в их сочетаемости с другими лексемами, а именно – с глаголами, обозначающими активное действие. Это показывают следующие примеры:

- *Swā plegende lamb* – *резвиться* как ягненок;
- *Heald mīne lamb* – *наси* агнцев моих;
- *Abram gesette seofon lamb on sundron* – *Абрам приводит* по отдельности семь ягнят [9, с. 616];
- *Me umbhringdon mænige calfru* – *много телят окружили* меня;
- *He ofslōh ān fæt celf* – *он убил* откормленного теленка [9, с. 148];
- *Ēalā cīld, hū ēow līcap dēos spæc* – *О ребенок, как тебе нравится* эта беседа;
- *Ðæt cīld wixþ and gewurþ eft snara and eft syððan cnih* – *ребенок растет и становится* мальчиком, а потом мужчиной [9, с. 154];
- *Biernende speld* – *горящая* лучина [9, с. 900];
- *Him þuhte, ðæt he gesāwe seofon ear weaxan on ānum healme fulle and fægre* – *семь колосьев дают* побеги одному полному и крепкому стеблю [9, с. 154].

Употребление эпитетов показывает, что существительные с основой на *-s* были очень тесно связаны с религиозно-культурной сферой. Об этом свидетельствует сочетаемость существительных *s-*основы с определениями, относящимися к религиозной сфере:

– *Hēr is Godes lamb* – вот агнец *божий* (вот божественный ягненок);

– *Godes lombes folgian* – следовать за агнцем *божьим* [9, с. 616];

– *Ðæt hālige sealf* – *священный* теленок [9, с. 148].

Кроме того, принадлежность существительных s-основы к области культа подтверждают и другие примеры:

– *Nyme ælc mann ān lamb* – возносить (возвеличивать) каждого ягненка [9, с. 616];

– *On-settaþ ofer wi-bed ðin calfur* – возложи на алтарь (жертвенник) своего тельца (или: принеси в жертву над алтарем своего тельца) [9, с. 148];

– *Ðæt æg getācnaþ ðone hālgan hiht* – яйцо означает/предвещает святую надежду [9, с. 11–12].

Согласно исследованиям А.В. Десницкой те существительные, которые были связаны с областью культа и ритуально-религиозной сферой, относились к одушевленному классу [10, с. 61–63].

Восприятие объектов, обозначаемых существительными s-основы как одушевленных, выразилось

в языке в том, что эти существительные сочетаются с глаголами активного действия, а также с лексикой, относящейся к области культа, что свидетельствует об особом отношении древних людей к данным реалиям. На грамматическом уровне это выразилось посредством оформления этой группы слов основообразующим суффиксом -s-. Последующее маркирование образований на -s средним родом, по-видимому, связано с изменениями в мировоззрении древнего человека, а именно – с отходом от мифологического восприятия действительности. То есть как мифологическая, так и реальная, жизненная значимость данных объектов стала не так велика, как в древние времена, в силу чего изменилось и отношение к этим объектам действительности.

Таким образом, исследование лексико-семантической сочетаемости древнеанглийских образований на -s показывает, что основообразующий формант -s- первоначально выполнял классифицирующую роль, выделяя определенную группу существительных, которые можно отнести к одушевленному классу.

Литература

1. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
2. Коваленко Н.С. О семантическом принципе, объединяющем древнеанглийские существительные s-основы // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Т. 2. Томск, 2004.
3. Коваленко Н.С. Отражение признака одушевленности в древнеанглийских существительных, объединенных основообразующим формантом -s-. Н. Новгород, 2005 (в печати).
4. Палмайтис М.Л. Индоевропейская апофония и развитие деklinационных моделей в диахронически-типологическом аспекте. Тбилиси, 1979.
5. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
6. Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира: проблема языковой вариативности. М., 1990.
7. Гухман М.М. и др. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3. М., 1963.
8. Wright J., Wright E.M. Old English Grammar. London, 1925.
9. Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections. Oxford, 1954.
10. Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.

Л.А. Петроченко, Е.О. Мерзлякова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИКИ ИКОНИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

Томский государственный педагогический университет

Современная лингвистика проявляет особый интерес к сущности человека, его духовному миру и культуре и, соответственно, к смысловой стороне языка, что способствует формированию новой научной парадигмы, которую принято называть антропоцентрической или иногда гуманистической. В семиотическом выражении это означает «обра-

щение к символической стороне языка, переход от знака к символу» [1, с. 7].

В лингвистике уже сложилось понимание того, что изучение языкового знака только как «единства определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего)» [2, с. 167] без учета особен-